

К 95-летию со дня рождения А.С. Ахиезера

Россия весной 2022 г.: раскол в обществе как основание социокультурного кризиса

Давыдов А.П.,
доктор культурологии,
главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН
apdavydov@gmail.com

Аннотация: В статье дается утвердительный ответ на вопрос, есть ли кризис в современной России, начавшийся весной 2022 г. И выдвигается концепция, согласно которой основанием кризиса является раскол между культурой (охранителем исторически сложившихся соборно-авторитарных ценностей) и обществом (генератором демократических идей и личностных интересов, не записанных в тысячелетней культуре), кратко — между ценностями и интересами. Концепция, изложенная в статье, опирается на образ раскола в двухвековой русской художественной литературе (XIX–XX вв.), в науке и публицистике революционного периода (1905–1918 гг.), в концепциях наших современников: Зборовского Г.Е. (Уральский госуниверситет), Ахиезера А.С. (1929–2008), Седовой Н.Н. (Институт социологии ФНИСЦ РАН), Тощенко Ж.Т. (Институт социологии ФНИСЦ РАН), Чеснокова С.В. (Институт социологии ФНИСЦ РАН / НИУ ВШЭ), коллектива исследователей Института социологии ФНИСЦ РАН, изучавшего под руководством Горшкова М.К. и Тихоновой Н.Е. социальную ситуацию в стране в марте 2022 г., то есть через месяц после начала СВО.

Основной вывод: социокультурное противоречие перманентно живет в тысячелетней русской культуре и циклически обостряется в форме расколов общества, когда государство исчезает, а общество распадается, — угроза именно такого кризиса возникла бифуркационной весной 2022 г. Особое внимание в статье уделяется группе т. н. «новых западников» — молодежи в возрасте до 25 лет, считающих, что они могут выжить без поддержки государства, и не поддерживающих СВО. Полученные результаты позволяют лучше понять, к какому выбору мы подошли сегодня: продолжать приспосабливаться к расколу, как больной приспосабливается к своей болезни, периодически срываясь в социальные кризисы, либо бороться с расколом, чтобы не допустить обрушения общества в очередную катастрофу.

Ключевые слова: Россия, социокультурный кризис, социокультурное противоречие, раскол в обществе, художественная литература, молодежь, весна 2022 г., бифуркация, Зборовский, Ахиезер, Седова, Чесноков, Горшков.

Работая над этой статьей, я в значительной ее части опирался на книгу «Российское общество и вызовы времени. Книга шестая», коллективную монографию, написанную

сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством и редакцией акад. М.К. Горшкова и проф. Н.Е. Тихоновой (Российское общество... 2022).

Авторам удалось на большом массиве данных провести глубокое социологическое исследование российского общественного мнения в чрезвычайно ответственной точке жизни нашего общества — в марте 2022 г., через месяц после объявления Россией СВО. Это была бифуркационная точка, которая наглядно, на фактах и цифрах, начала выводить латентно дремавший многовековой хронический социокультурный кризис нашего общества на поверхность общественной жизни, а многообразные результаты кризиса — на всеобщее обозрение.

Многие исследователи писали о циклическом развитии русской культуры, в котором кризисное развитие — исчезновение государства и распад общества — занимает важное место. Из предшественников — В.О. Ключевский, из современников — А.С. Ахиезер, А.Л. Янов, И.К. Пантин, И.Г. Яковенко, А.А. Пелипенко, И.В. Кондаков и др. Современный кризис, находящийся пока в стадии зарождения, затронул все слои нашего общества, каждого человека. Почему? Потому что этот кризис не только экономический и не только политический, он социокультурный, родившийся из социокультурного противоречия. Из конфликта между культурой (хранителем исторически сложившихся ценностей) и обществом (генератором новых идей, не записанных в культуре, и самых различных текущих интересов, которые часто не совпадают с нормативностью исторически сложившихся ценностей), между традицией и инновацией, статикой и динамикой, старым и новым. Весной 2022 г. социокультурное противоречие, обретая остроту социокультурного раскола и наращивая угрозу разрушения нашего общества, стало выбираться из потайных хранилищ исторически сложившейся культуры. С этого момента началась новая биография России, потому что начался новый отсчет времени — времени существования нашего государства, когда Россия должна ответить на вопрос: «Быть ей или не быть?».

Итак, в стране кризис. Я говорю об этом без колебаний. И потому, что о кризисе говорят и пишут СМИ и научные издания, и еще потому, что авторы выбранной мной монографии активно пользуются словами «кризисы», «кризисный», «новый кризис», «кризисная реальность», «поляризация», «тупик», «раскол», «разлом», «катастрофа» и др. Авторы этой монографии в выводе 1 заключения пишут: «По мнению преобладающего большинства населения, к весне 2022 г. в российском обществе сложилась напряженная, кризисная ситуация». И сообщают, что «в отношении положения дел в стране уровень критичности выглядит очень высоким: как катастрофическое его оценивают 16% при “обычных” 7–11%, а как напряженное/кризисное — 70% опрошиваемых» (*курсив мой.* — А. Д.) [Российское общество... 2022, с. 11–12]. Я своей статьей, как и авторы монографии, представляю то направление в российской социологии, которое изучает не столько сам кризис, сколько то, как он воспринимается общественным сознанием, социальными группами, то есть я исследую в какой-то степени его основания и в значительной мере его последствия. Поэтому данная статья призвана ответить на вопросы «Где основания, породившие кризис?», «Каковы результаты кризиса?» и «Как подойти к задаче формирования предпосылок, способствующих его преодолению?».

Но есть ли раскол в России? Одни удивляются: что за вопрос — конечно, есть, раз из России все последние годы стабильно уезжает множество наших сограждан, а реакция на введение СВО и мобилизацию была особенно болезненной — уехали многие, а опросы

2023 г. показывают, что число не поддерживающих СВО растет. Другие говорят: кризисы действительно посещают нашу страну (одних только социально-экономических кризисов за последние 15 лет было три), но говорить о социокультурном расколе общества, условия для которого постоянно присутствуют в русской культуре, нельзя. Наше общество в своей основе едино, заявляют они: посмотрите хотя бы на итоги электоральных голосований. Осенью 2019 г. я приглашал Н.И. Лапина на конференцию Института социологии ФНИСЦ РАН в связи с 90-летием со дня рождения А.С. Ахиезера, но он отказался, сказав: «Можно говорить лишь о социокультурном противоречии в российском обществе, которое всегда можно отрегулировать, а раскола в России нет. В этом мы разошлись с Александром Самойловичем».

И все-таки я хочу писать именно о расколе в России, о его социокультурном содержании, о его интерпретациях, основаниях, структуре и глубине, о том, где проходит трещина раскола, о том, кто они — те социальные субъекты, которые находятся по обе стороны этой трещины. И о том, через какие социальные механизмы можно (если уже не поздно) ослабить нарастающую угрозу перехода раскола из полупатентной формы в открытую, чтобы предотвратить скатывание нашего общества в очередную катастрофу, смуту.

Есть ли раскол в России?

Мой учитель А.С. Ахиезер (1929–2007) говорил мне: «Главная тайна России — раскол, и задача ученых, наша с тобой, раскрыть ее». А друг и соратник Ахиезера В.А. Ядов на одном из своих семинаров в Институте социологии РАН сказал: «Основное достижение Ахиезера: он открыл в России раскол, его социальное содержание, и вбросил свое открытие в наше сознание». Так есть ли раскол в российском обществе?

Истоки нынешнего кризиса массового сознания, я полагаю, возникли не сегодня и не тогда, когда президент России объявил СВО и затем мобилизацию. Истоки кризиса — в специфике русской культуры, в том, как эта специфика появилась, развивалась, выживала и за тысячу лет в своих основаниях добралась до нашего времени почти без изменений. «На раскол работало и то обстоятельство, что централизованная государственность возникла не на основе зарождающегося капитализма при начале формирования наций, что совпадало бы с формированием качественно новых культурных интеграторов, а прежде всего на основе сплочения против внешней опасности, с опорой на дворянство, что в конечном итоге привело к гипертрофии организационных, административных и отставанию культурных интеграторов. Этому нарастающему *разрыву* между организационными и культурными интеграторами способствовало негативное отношение к торговле, переросшее в негативное отношение к товарно-денежным отношениям, что в условиях модернизации стимулировало развитие хозяйства на натуральной основе, систему псевдоэкономики... В этом же направлении действовал антигосударственный характер массового сознания» [Ахиезер, 1998, с. 393]. «Мы лучше всех культурных народов сохранили природные, дохристианские основы народной души», — писал Г.П. Федотов [Федотов, 1952]. *Эти «основы народной души» — русская культура, — несмотря ни на какие модернизации и перемены, до сих пор*

определяют современную социальную динамику России; резкое обострение раскола началось в России со времени реформ Петра I.

Русская художественная литература за два века. Раскол между русской культурой, обществом, в котором господствуют общинно-родовые и самодержавно-крепостнические культурные стереотипы, с одной стороны, и формирующейся личностью — с другой стороны, первыми, то есть гораздо раньше социальных ученых, с XVIII в. начали рефлексировать русские поэты, писатели, деятели искусства. Эта линия в изменяющихся условиях была продолжена вплоть до сегодняшнего дня. Вот откуда два ряда *противоположных социальных типов* в более чем двухвековой русской литературе.

Один социальный тип главного героя: человек на краю между жизнью и смертью победоносно, но ценою жизни, счастья, благополучия ищет в себе способность выйти за рамки соборно-авторитарной, исторически сложившейся культуры, за пределы стереотипа «как все». Пушкинские Черкешенка, Татьяна, Моцарт, Дон Гуан и Дона Анна, Вальсингам, Самозванец, Тазит, Поэт, Пророк; лермонтовские Поэт, Пророк, Демон; гончаровские Штольц, Ольга, Вера; тургеневские женщины; Анна Каренина Л. Толстого; Катерина А. Островского; булгаковские Мастер и Маргарита, Воланд и его свита, профессор Преображенский; шолоховский Григорий Мелехов; доктор Живаго Пастернака; Лиса А Хули Пелевина; изменяющийся Бенедикт Татьяны Толстой; сам Владимир Маканин, ставящий «вопрос Маканина»; Вера Александра Гельмана; персонаж «Я» в произведениях Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы, Венедикта Ерофеева, Виктора Ерофеева, Александра Гельмана; идея уникальности творческой личности в режиссерской методологии В. Мандельштама, О. Ефремова, Г. Волчек, М. Захарова, Р. Виктюка. Р. Туминаса и др. Этот тип культуры принадлежит формирующейся в России личности.

Другой социальный тип главного героя в произведениях литературы и искусства несет антимедиацию / природнение к абсолютам / инверсию / метание между противоположными абсолютами, серое творчество, нравственный тупик. Человек не способен сделать выбор между соборно-авторитарными стереотипами и личностью в себе, игнорирует смыслоформирующую межполюсную «середину», застрял в метаниях между старыми смыслами и еще более старыми, которые кажутся новыми, и как субъект культуры захиревает, вырождается, умирает. «Инвалид в любви», «пародия» человека Пушкина; «нравственные калеки» Лермонтова; «мертвые души», «свинные рыла», человек «ни то, ни се» Гоголя; «уроды» Гончарова; «гамлетики», «вывихнутые» Тургенева; «подпольный человек» Достоевского; герои «темного царства» А. Островского; персонажи Чехова, выносящие приговор исторически сложившейся русскости как уходящему культурному типу. Таковы же «шариковы» Булгакова; «озверевший народ» — красные и «озверевший народ» — белые Шолохова и Пастернака, самозабвенно истребляющие себя в поиске абсолютной истины. Таковы «навозошаропроизводители» и «навозошаротолкатели» Пелевина; «голубчики» Т. Толстой; «слипшийся ком» Вик. Ерофеева; «забуддыга» А. Гельмана, которого «спасти может только могила»... Эти литературные персонажи демонстрируют историческую обреченность веками сложившейся русскости, гибнут либо находятся на краю гибели. Родились психологические стереотипы — онегинщина, подпольность подпольного человека, маленькость маленького человека, пилатовщина. Заявляя с театральных подмостков «Быть или не быть?», мы думаем, что играем Гамлета, но мы играем Акакия. Обобщенная идея этого «мертвотушного» / «уродливого» / «ни то ни

сейного» типа — неспособность, слабая способность русского человека формировать в себе личность. Выдающийся российский и литовский театральный режиссер Римас Туминас, в 2007–2022 гг. художественный руководитель театра им. Е. Вахтангова, комментируя литературных героев в русской литературе, говорил: «Мне жаль русских женщин — им некого любить»¹.

Два социальных типа, два противостоящих друг другу ряда героев в русской литературе, в театральном и киноискусстве, несут в себе образ глубокого социокультурного раскола в российском обществе. О том, что этот раскол — это российская социальная реальность, говорит путь, усеянный личными трагедиями и трупами русских поэтов, писателей и деятелей искусства.

Российская наука о расколе в России. В науке о России идея раскола нашего общества по самым разным векторам и необходимости общественного диалога, чтобы противостоять расколу, носится в российском научно-аналитическом воздухе давно. Впервые она появилась в России в период, когда страна переживала мощный революционный подъем. В форме публичной общероссийской полемики она началась в сборнике статей «Вехи. Интеллигенция в России. 1909–1910», вышедшем в свет в марте 1909 г. и обобщавшем опыт революции 1905 г., и в сборнике «Из глубины. Сборник статей о русской интеллигенции», опубликованном в июле 1918 г. и обобщавшем опыт февральской буржуазной революции. В «Вехах» выступили Бердяев, Булгаков, Гершензон, Изгоев, Кистяковский, Струве, Франк. В сборнике «Из глубины» выступили Аскольдов, Бердяев, Булгаков, Иванов, Изгоев, Котляревский, Муравьев, Новгородцев, Покровский, Струве, Франк. Вокруг «Вех» и «Из глубины» развернулась широкая общественная полемика. Была впервые на первичном уровне высказана мысль о расколе в России между интеллигентским сознанием и народом, интеллигентским сознанием и государством (властью), о расколе в связи с революциями внутри интеллигентского сознания на западников, славянофилов, носителей православно-социалистических, либеральных, монархических, общинных идеалов, между революцией и реформой, верой и знанием, старым и новым и т. д.

Прошло время, и вот — авторы, которые пишут о социокультурном противоречии в российском обществе: между социальными группами, заинтересованными и незаинтересованными в модернизации России (акад. Т.И. Заславская, В.А. Ядов); между поколениями и социальными группами-носителями различных мировоззрений (З.Т. Голенкова, член-корр. М.Ф. Черныш, Н.Н. Седова, П.Е. Сушко); между экономическим ростом и социальным неравенством, между этакратической властью и потребностью людей в равенстве возможностей (Н.Е. Тихонова); между командно-административной традицией управления обществом и индивидуацией межсубъектных отношений (М.Ф. Черныш) и др.

А вот — авторы, наши современники, создатели текстов о расколе в России: между традицией и инновацией в макро- и микроуправлении социоэкономикой (Г.Е. Зборовский); между культурой и обществом (А.С. Ахиезер, А.П. Давыдов); между властью и обществом (И.Г. Яковенко, А.А. Пелипенко, И.М. Клямкин, А.В. Тихонов); между молодежью (до 25

---

¹ «Римас Туминас: Мне жаль русских женщин — им некого любить». Интервью. 02 августа 2019 // «Собеседник» № 28, 2019.

лет) и старшим поколением (66 лет и старше) в условиях перемен и СВО (Н.Н. Седова); между традицией и инновацией в сознании «парадоксального человека», неспособного понять противоречивую логику этих сущностей, чтобы снять в себе неодолимое противоречие/*раскол* между ними (член-корр. Ж.Т. Тощенко); о коммуникативном *разрыве* в России (С.В. Чесноков); о нестабильных социальных состояниях, социальном хаосе, разломе (Л.Е. Бляхер) и др.

Сегодня все более выясняется, что тематика раскола и его преодоления *межпредметна*, поэтому ее проблематика нашла свое отражение в социальной философии и социальной психологии. Но философы и психологи сосредотачивались не столько на расколе, сколько на теоретическом поиске меры соединения расколотых противоположностей, на поиске условной межполюсной «середины» (термин С. Аристотеля, Г.В.Ф. Гегеля, К. Леви-Стросса) и диалога в межсубъектных отношениях. «Из современных исследователей межсубъектное смысловое пространство изучает акад. В.А. Лекторский в своей концепции неклассической эпистемологии [Лекторский, 2010. Т. 4, с. 47–52, 497–502; 2009]. В теорию межсубъектного диалога через понятие «диалогика» внес вклад В.С. Библер [Библер, 2002]. Социокультурное содержание российской «сферы между» культурой и обществом, «середины» через понятие «медиация» исследовал А.С. Ахиезер [Ахиезер, 2008; Давыдов, 2023; 2022, с. 3–13]. Методологию «середины» в скандинавской культуре изучает И.Г. Михайлова [Михайлова, 2015]. Экономическую социодинамику России через концепты «несводимости» и «комплементарности» в «сфере между» государством и рынком исследуют экономисты член-корр. Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн [Гринберг, 2019; Гринберг, Рубинштейн, 2015]» [Давыдов, 2021, № 4, с. 191–202].

В результате сегодня в российской гуманистической рефлексии возникли два исторически сложившихся подхода к изучению российского социума. *Один подход культуросцентричен*: он акцентирует изучение социума через русскую культуру, повелевающую обществу оставаться на веками накопленных, имперско-племенных милитаристско-патримониальных религиозных ценностях как вечно живых основаниях. Социально-нравственная доминанта этого типа — этакратия, великодержавность, диктаторский тип управления людьми, обществом и суверенитет единой и неделимой территории, именуемой Россией. *Другой подход социоцентричен*: он акцентирует социум через общество как экспериментальную площадку, на которой оно испытывает новые, изменчивые нормы своего бытия, переосмысливает старые в новых условиях, формирует актуальные представления о текущих интересах, не записанных в культуре, отбраковывает новое, не прошедшее испытаний, и отбирает лучшее, которое отправляет в культурное богатство.

Формирующийся сегодня третий, альтернативный подход объединяет эту двойственность в аналитической оппозиции «исторически сложившиеся культурные ценности — текущие социальные интересы, не записанные в культуре», или кратко: «ценности — интересы». И между «ценностями» (культура) и «интересами» (общество) —

межполюсная «середина», где и формируется социокультурная альтернатива, но которую обычно игнорирует русский человек, мыслящий по традиционной формуле «либо — либо»².

Является ли социокультурный раскол основанием нынешнего кризиса в российском обществе?

Авторскому коллективу монографии «Российское общество и вызовы времени» надо было ответить на вопрос, как строить опросы и обобщать их результаты. Вопросы методологии в рамках поставленной задачи были решены, на мой взгляд, удовлетворительно. Потому что, с моей узко утилитарной точки зрения, в главах 6, 7 и 8 авторам удалось выявить феномен *раскола* в обществе в условиях кризиса. Задачу объяснить социокультурную природу этого феномена авторы перед собой не ставили. Потому что социокультурное противоречие, перерастающее в социокультурный раскол и обретающее форму социального хаоса, разрыва, разлома, — явление многозначное, малоизученное, и это отдельная тема. И кроме того, столько уже существует авторитетных мнений-ответов на поставленные в связи с этим феноменом вопросы, высказанных еще до того, как они были поставлены, что изложить однозначную точку зрения на раскол авторы не решились. Тем не менее полученные результаты позволяют лучше понять, к какому *выбору мы подошли весной 2022 г.: продолжать приспособливаться к расколу, как больной приспособливается к своей болезни, периодически срываясь в социальные кризисы, либо бороться с расколом, чтобы не допустить обрушения общества в очередную катастрофу.*

Г.Е. Зборовский³: конфликт между макросоциальными структурами и социальными субъектами на микроуровне. Автор опирается на рабочую оппозицию «макросоциология (исследование решений, принимаемых в федеральном центре) — микросоциология (исследование решений, принимаемых в регионах, на предприятиях, вплоть до отдельного человека)» и говорит о постоянно действующем в России противоречии между консервативной патримониальной *культурной* традицией, нацеленной на сохранение того, что есть, и рыночно-демократической инновацией, нацеленной на изменения, на *социальные* реформы:

«В силу сложившихся в России традиций, вытекающих из отношений «регионы — центр», «село (малый город) — областной центр (столица республики)», «город — столица страны», в результате длительного господства сначала царизма, затем — тоталитаризма, потом — авторитаризма и дефицита элементарных демократических норм и отношений локальные общности не способны сколько-нибудь серьезно влиять на решения авторитарного руководства. Более того, на микросоциальном уровне воспринимаются с полным пониманием недемократические, авторитарные действия макросоциальных структур, поскольку они соответствуют прежним микросоциальным практикам широких

---

² Чехов А.П.: «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из этих крайностей, середина же между ними ему не интересна, и она обыкновенно не значит ничего или очень мало» [Из архива А.П. Чехова. Публикации. М.: 1960].

³ Зборовский Г.Е. — д. социологических наук, профессор, заведующий кафедрой Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург.

слоев населения, и возникают большие проблемы с адекватной реакцией на предлагаемые этими же структурами экономические реформы рыночного характера. *Причина — в «нестыковке» ценностного содержания реформ (экономическая самостоятельность, риск, индивидуализм и инициатива, ответственность, конкуренция и т. д.) и традиционного социального поведения субъектов (экономическая несамостоятельность, отсутствие ответственности, риска, конкуренции, коллективизм, безынициативность и т. д.) (вот она, господа, социальная эмпирика современного социокультурного раскола, высказанная социологическим языком. — А. Д.). <...>* В процессе реформирования возникает двойной барьер между макросоциальными структурами и социальными субъектами на микроуровне: один ставится сверху вниз, другой возводится снизу вверх. Их несоответствие друг другу обуславливает серьезные противоречия в их взаимодействии и влияет на характер и уровень стабильности в обществе» (*курсив мой. — А. Д.*) [Зборовский. Социология кризиса, 2009].

Таким образом, раскол в России, по Зборовскому, — социокультурный, его можно назвать *разломом* между культурной традицией и социальной инновацией, между демократическими реформами, опирающимися на частное право, индивидуализм и конкуренцию, и исторически сложившейся командно-административной системой управления в стране, опирающейся на патриархальное право, уравниловку и отторгающей демократические реформы. В какой-то степени этот *раскол* можно проследить в отношениях в терминах Зборовского «между макросоциальными структурами», иногда производящими проекты демократических реформ, и «социальными субъектами на микроуровне», гасящими ростки реформ. Часто «верхи» и «низы» вместе блокируют реформы. Эту интерпретацию Зборовским раскола в России я бы назвал перманентной предкатастрофой, периодически переходящей в катастрофу. Только в XX в. страна дважды, в 1917 и 1991 гг., была ввергнута в такие катастрофы, сопровождавшиеся исчезновением государства и распадом общества. Из неспособности снять, смягчить, перевести в режим диалога социокультурное противоречие, тяготеющее к расколу, происходит катастрофизм российского менталитета, иногда принимающий формы эсхатологии. И корни этого социального феномена, по Зборовскому, — в менталитете русского человека, в его историческом воспитании, в его многопоколенной общественной и личной культуре. Отсюда же и бифуркационные вспышки кризиса, наподобие нынешнего — 2022–2023 гг., — оборачивающиеся конфликтом между социальными группами и властью, которые через кризис обнажают глубину хронического социокультурного противоречия в расколотом обществе.

«Коммуникационные разрывы» С.В. Чеснокова⁴. «Российское общество, доставшееся от недалекого прошлого, пронизано огромным количеством всевозможных коммуникативных разрывов. Социальность в нем разорвана на куски. Сначала самодержавием в сочетании с “православием и народностью” (читай Николая Лескова), что завершилось переворотом 1917 года. Затем коммунистами, которые изрубили социальность на мелкие кусочки, уничтожили идеологическим катком образы, еще кое-где соединявшие живыми нитями персональное сознание людей с окружающим сообществом, заместили их

⁴ Чесноков С.В. — математик, социолог. Специалист по детерминационному анализу социально-экономических данных. Член редколлегии «Социологического журнала» Института социологии РАН (с 2002 г.). Сотрудник Института конкретных социологических исследований, отдел профессора Б.А. Грушина — 1969–1972. Спецкурсы по проблемам гуманитарных измерений и анализу данных в Центре социологического образования Института социологических исследований РАН, весна 1999 г., весна 2000 г. Профессор Высшей школы экономики с 2002 г. (Википедия).

экзаменами социальности. В последние восемь лет (2001–2009 гг. — А. Д.) власть превратила социальность исключительно в государственный ресурс, вернула ее к первоначальному состоянию, которое было в советское время. И теперь благополучно с помощью СМИ добывает ее своей вертикалью, дробит в пыль “передовыми” технологиями, сквозь которые отчетливо проступает нейролингвистическое программирование спецшкол КГБ, а теперь ФСБ.

Коммуникативные разрывы везде, куда ни кинь. Их огромное количество и они чудовищные. Они буквально пропитывают все общество. Масса группировок самой разной природы. Люди, включенные в них, живут в своих локальных субкультурах, со своим субязыком. Эти группы окуклились, словно кальцинированные социальные кисты в социальном организме страны, находясь в состоянии жесточайшего коммуникационного разрыва с окружающим сообществом. Внутри каждой такой группы естественная социальность также практически на нуле. Коммуникационные процессы чрезвычайно бедны, близки к коммуникативной стагнации. Множество одиноких толп, в которых люди одиноки донельзя. Я перечислю только основные области социальной жизни, где коммуникативные разрывы лежат на поверхности» [Чесноков, 2009, с. 65].

Отверженные и беглые дети. «Детей бросают как хлам. Случаев миллионы. Дети становятся отверженными еще и потому, что убегают от родителей, находятся в жесточайшем разрыве с их жизненной практикой. Погруженные в жизнь сверстников, дети отвергают ценности, которым следуют их родители. Иногда это почти взрослые 16–17-летние люди. Они чувствуют себя сформировавшимися, должны выбирать свой жизненный путь. И если родители вменяют им свою собственную “социальную ответственность”, насилуя их сознание, они просто убегают от них. И это массовое явление в современном обществе» [Чесноков, 2009, с. 66–67].

Отверженные взрослые. «Бомжи, которые с благополучным сообществом никак не соотносятся. Мы видим их, когда они копаются в мусорных ящиках с отбросами. Общество никак не контактирует с ними. У них абсолютно замкнутая, кастовая жизнь. Их счет также идет минимум на сотни тысяч» [Чесноков, 2009, с. 67].

Военные и гражданские. «Армейские деды и их жертвы. Родители несчастных жертв и дедов. “Афганцы”, воевавшие в Афганистане. Воевавшие в Чечне. Военнослужащие, уволенные в запас. Это все тоже “одинокие толпы”» [Чесноков, 2009, с. 67].

Врачи и пациенты. «Имеется жесточайший коммуникативный разрыв между врачами и больными... Это проблема, которая выходит далеко за пределы судебных действий или общения между врачами и их пациентами на экранах ТВ или на радио. Это проблема образов, которые вызывают у врача его пациенты в повседневной врачебной практике. Проблема скрытых форм власти врачей над пациентами» [Чесноков, 2009, с. 67].

Российский Чернобыль. «В начале 90-х было порядка 30 исследований жителей зоны российского Чернобыля калужскими социологами... Было обнаружено, что в зоне восточно-уральского радиоактивного следа люди переживают трагедию, которая выражается прежде всего в их самочувствии, очень плохом. Они болеют, их дети гибнут. Каждый ощущает себя так, будто только он и его близкие переживает эту беду. Будто проблема только его личная. Что она не интересна не только государству (это само собой), но и окружающему населению.

Так думают все!.. Классический эффект *одиноких толп*... Очень выгодный государству — и тогда, и сейчас. Проще управлять, когда сознание раздроблено, естественная социальность на нуле, а на ее месте эрзацы социальности кремлевской выпечки...» [Чесноков, 2009, с. 74–75].

ОМОН и население на маршах несогласных. «24 ноября 2007 года мы с женой были на марше несогласных. После марша оказались окруженными ОМОНОм. Мы видели лица этих ребят, омовцев, для которых мы просто нелюди, с которыми им просто запретили разговаривать. Мы для них потенциально опасные преступники, разговор с нами невозможен. Каменные лица, прошедшие инструктаж. Это страшные границы. Люди исчезают. Остаются муляжи. В этом отношении разрыв ОМОНа с людьми по природе тот же, что у... террористов с их жертвами. Стороны объективируют друг друга, и поехало... Замечательное поле для модернизированной пропаганды, работающей на стабильность власти» [Чесноков, 2009, с. 69].

А.С. Ахиезер: раскол между культурой и обществом в России и стратегия его преодоления в парадигматике социокультурного анализа. Ахиезер пишет о фатальном характере российского раскола как родовой травме российского общества и о социокультурном расколе как основании циклически повторяющихся социальных кризисов в России.

Эволюционный раскол: корни, формы. «Раскол достиг наивысшей остроты в России, где противостоят друг другу в едином теле страны элементы традиционной и либеральной суперцивилизаций... Раскол в России существует в бесконечном количестве форм: между народом и властью, властью и духовной элитой, между интеллигенцией и народом, между городом и деревней, между монополией на дефицит и товарно-денежными отношениями, между группами, противоположным образом реагирующими на проекты реформаторов и т. д. Раскол имеет место и в самой личности... Раскол характеризуется отсутствием в обществе массового нравственного идеала, который мог бы реально обеспечить нравственное и организационное единство, интеграцию общества. Опасность раскола в том, что существенный рост различного рода локальных интересов в спорах, разногласиях, конфликтах в острой кризисной ситуации может перейти грань, отделяющую Диалог от самоубийственной для общества борьбы Монологов. При этом каждая из сторон может полагать, что борется с мировым злом. Раскол опирается на инверсионную логику, нацеленную на разрешение проблем эмоциональным взрывом, направленным на явные или мнимые источники дискомфорта» [Ахиезер, 1998, с. 391–392].

Раскол как специфика русской культуры и основание социального кризиса. «Раскол отрывает производство от потребления, куплю от продажи, врача от больного, работника от рабочего места, где он может дать максимально полезную отдачу, науку от образования, отрасли и ведомства друг от друга и т. д. Все начинает приобретать неорганический характер. Раскол, в каких бы социальных формах он ни выступал, находится внутри любого сообщества, любой личности, что делает насилие как средство ликвидации раскола формой самоубийства, самоистребления. Раскол с культурологической точки зрения — результат неспособности личности осознать его как свою внутреннюю проблему при патологическом стремлении сводить раскол к козням злодеев («предателей», «врагов народа», «пятую колонну». — А. Д.), которых надо разоблачить и с которыми следует расправиться, лучше всего без суда и следствия (так как всякая волокита лишь им на руку)» [Там же. С. 393–394].

«То, что в расколотом обществе одна его часть вызывает у другой дискомфортное состояние, может породить периодические попытки радикального, инверсионного преодоления раскола через массовое избиение противоположной стороны, правящей или духовной элит, массовый террор против всего населения. Это, однако, не может ликвидировать раскол, даже если будет истреблена, рассеяна, дезорганизована одна из частей расколотого общества (например, буржуазия, враги народа, кулаки, крестьянство и т. д.). Невозможно окончательно уничтожить социальные слои, несущие одну из сторон раскола: правящую элиту, духовную элиту, интеллигенцию, людей, способных «заводы заводить», то есть разрушающих своими инициативами идеалы Уравнительности. В обществе, претерпевшем громадные потери, срабатывает некий эффект целостности, который в той или иной форме восстанавливает обе стороны расколотого общества» [Там же. С. 393]. Это — анализ раскола как основания социального кризиса, охватывающего все общество. Но из всего методологического арсенала Ахиезера я бы выделил один инструмент, доказательно демонстрирующий, как раскол порождает кризис и одновременно скрывает кризис от общественного наблюдения, создавая видимость социального единства. Это феномен «псевдо».

Раскол и институт «псевдо» призван скрыть имитацию разделения властей в властно-управленческой вертикали. Псевдопарламент — способ скрыть тот факт, что парламент, по существу является подразделением администрации президента. Псевдосуд — способ скрыть тот факт, что суд отнюдь не является независимым. Псевдоподдержка малого и среднего бизнеса — способ скрыть тот факт, что власть практически «ведет войну» (выражение Бориса Титова) против МСП. Псевдовыборы — способ скрыть массовые фальсификации. Псевдоприватизация — способ скрыть тот факт, что количественно присутствие государства в экономике вроде бы снижается, а качественно — растет. Псевдостроительство армии — мафиозный способ скрыть чудовищную коррупцию в управлении армейским хозяйством и т. д. *Методология «псевдо» превращает раскол в тайну. Зачем это нужно? Налицо попытка убедить всех, что существует не раскол, а «морально-политическое единство» власти и населения. Если раскол — тайна, то хранитель тайны — «псевдо».*

Раскол в обществе как основание возникновения в России кризисной ситуации. Результаты социологического опроса населения в марте 2022 г.

Я еще раз отдаю должное руководителям социологического исследования общественного мнения страны в марте 2022 г.: они так поставили концепцию исследования, что из полученных результатов я могу начать прокладывать тропинку к важной для социальных наук проблеме — как социальный раскол в России порождает кризисную ситуацию? Проблематику этой темы я увидел в текстах Н.Н. Седовой (главы 6, 7) и П.Е. Сушко (глава 8) монографии «Российское общество и вызовы времени».

Н.Н. Седова⁵. Раскол между пожилыми «зависимыми» от государства / поддерживающими политику власти и СВО и молодежью, социально «самодостаточной» в своем способе жить / не поддерживающей политику власти и СВО.

Где проходит трещина раскола? Автор объясняет, почему социальный раскол разделил именно эти группы: «Восприятие человека как субъекта, самостоятельно выстраивающего свою жизнь, “кузнеца собственного счастья” заметно чаще встречается в среде хорошо обеспеченных россиян (до 75% среди людей с доходами более 2 медиан в их типах поселений), молодежи (до 62% в группе до 25 лет), людей на руководящих позициях (68%), предпринимателей и самозанятых (57%)... Ощущение же того, что жизнь человека определяется в первую очередь внешними обстоятельствами, более характерно для представителей низкодоходных групп населения (66% среди имеющих доходы ниже 0,75 медианы), пожилых (70% среди 66-летних и старше), рядовых работников торговли и бытового обслуживания, а также служащих на должностях, не требующих высшего образования (53–54%)» [Российское общество... 2022. С. 181]. «Самодостаточные» в исследовании Седовой — это молодежь в возрасте 18–25 лет, которая уверена, что сможет обеспечить себя и свою семью самостоятельно, и в помощи государства в данном вопросе не нуждается (от 34% до 49%); «зависимые» — это пожилые малообеспеченные люди в возрасте 66 лет и старше, которые, по их собственной оценке, не могут выжить без поддержки государства (59%) [Там же. С. 174–175]. «Зависимые» (тургеневские «отцы») все более поддерживают нынешний курс развития России, а «самодостаточные» (тургеневские «дети») все менее одобряют. «Если в 2014 г. путь развития России позитивно оценивали 73% россиян моложе 25 лет, то в марте 2022 г. доля позитивных оценок молодежи сократилась до 59%. Одновременно выросла доля молодежи, полагающей, что нынешний путь развития ведет Россию в тупик, — с 26% до 41%» [Российское общество... 2022. С. 146].

Отношение к властно-управленческой вертикали. Эта тенденция видна на примере анализа отношения населения к идее реформирования властно-управленческой вертикали. Седова пишет: «Российское общество уже не первый год *расколото* в отношении того, следует ли и дальше укреплять властную вертикаль, или необходима децентрализация власти, расширение прав региональных и муниципальных ее органов» [Там же. С. 162]. Исследование ФНИСЦ РАН показало, что 52–57% россиян за централизацию, и 43–48% против. Но «события на Украине заметно стимулировали устремление на сильную власть (рост за год с 52% до 57%)» [Там же. С. 162]. «Молодежь чаще транслирует <...> либерально окрашенную точку зрения — большинство респондентов 18–25 лет выступают за децентрализацию власти, за расширение прав и полномочий на местах. Напротив, <...> представители сограждан в возрасте 66 лет и старше чаще других поддерживают идею укрепления властной вертикали (63%) <...> особая позиция старшей возрастной группы проявилась недавно <...> в 2022–23 гг. <...> По всей видимости, триггером к этому стало проведение специальной военной операции на Украине вкпе с жизненным опытом советского периода, когда необходимость реализации мобилизационного сценария страны в случае военной угрозы не ставилась под сомнение» [Российское общество... 2022. С. 163].

⁵ Седова Н.Н. — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

Запрос на перемены. Раскол разделил население России не только на сторонников и противников современного пути страны, он разделил и самих сторонников этого пути. Возьмем другую область проведенного исследования — запрос социальных групп на перемены в обществе: «Взгляд на умонастроения населения через призму этого запроса позволяет в том числе понять, насколько путь, по которому идет Россия, соответствует устремлениям тех, кто хочет преобразований, и тех, кому необходимо сохранение стабильности, т. е. насколько консолидировано внутренне поддерживающее его большинство». Седова сообщает, что «если запрос на перемены в 1998 г. был 30%, то в 2014 уже 56–57% — явный рост, но в марте 2022 г. запрос на перемены транслировали 50% россиян — явное снижение, тогда как запрос на стабильность — 49%... В этот [бифуркационный] момент общество оказалось расколото, — признает Седова, — в данном вопросе на два практически равных по численности лагеря» [Там же. С. 148].

Мировоззренческие установки россиян также разделились. 85% россиян весьма едины — «выступают за цивилизационный суверенитет России, а критические соображения высказывают лишь 15–16%. Напротив, группа тех, кто считает ситуацию в стране, регионе, месте проживания катастрофической, пребывает в состоянии *мировоззренческого раскола*. Здесь велики доли сторонников как самобытности России (55%), так и прозападного пути развития (45%). Если же говорить об оценках курса, которым движется страна, то в этом отношении большинство (69%) встает на критическую позицию, заявляя, что он ведет Россию в тупик» [Там же. С. 155]. Раскол *поляризовал* (термин Седовой) и отношение россиян к решению о проведении СВО. «90–91% одобряют и полагают, что оно было неизбежным, 68–71% считают, что его можно было избежать и что избранный путь ведет страну в тупик» [Там же. С. 150].

Разлом в отношении к ценностям индивидуализма, либерализма и западной демократии. «Большинство наших сограждан (68%) соглашались с тем, что “индивидуализм, либерализм и западная демократия — это ценности, которые россиянам не подходят. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство”» [Там же. С. 165]. «Единственная группа, для которой модель развития, отторгающая ценности индивидуализма и либерализма, неприемлема — это так называемые „нелояльные западники“: здесь против предложенного подхода выступают 70%» [Там же. С. 166].

«Полученная сегментация показывает, что сегодня последовательных “демократов-западников” в России 22%, тогда как большинство (58%) составляют “противники западной модели демократии”. Социальные профили этих двух полярных по своим установкам общностей говорят о том, что они достаточно равномерно представлены в различных территориальных, социально-демографических и профессиональных группах: при этом “демократов-западников” везде меньшинство, “противников западной модели демократии” — большинство. В числе наиболее выраженных отклонений от средних можно назвать долю сторонников западной демократии среди молодежи до 25 лет (37%) и руководителей разного уровня (31%). Повышенные доли противников западной модели, напротив, фиксируются среди людей старшего возраста (65% среди 56–65-летних и 71%

среди 66-летних и старше), а также людей без профессионального образования (65%)» [Там же. С. 173].

Раскол в молодежной среде. Надо обратить внимание на «раскол в молодежной среде», призывает Седова. «Среди сторонников перемен большинство в данной группе (53%) считают нынешний курс страны тупиковым. Их “прочтение” перемен — про другой путь для России...» [Там же. С. 149]. Призыв Седовой важен, потому что, по данным исследования, «в 2022 г. молодежь оказалась расколота на два сравнимых по численности лагеря: “прозападный” и “пророссийский”, причем отрыв молодежи от остального населения вышел по своему масштабу за рамки наблюдаемого ранее... Можно констатировать не просто усиление критичности мировоззренческих установок молодых россиян, но их отдаление от других возрастных групп, некоторую мировоззренческую сегрегацию» (*т. е. углубление раскола.* — А. Д.) [Там же. С. 153–154]. «Критичность современной российской молодежи заметно выше уровня критичности россиян в других возрастных группах: доля молодежи в возрасте до 25 лет, заявляющей о необходимости смены власти, достигает 35%, причем отрыв от ближайшей возрастной группы 26–35-летних составляет 9 п. п. (в 2014 г. молодежь 18–25 лет ничем не отличалась в своем отношении к власти от 26–35-летних или от 36–45-летних наших сограждан)» [Там же. С. 161]. «Демократия западного образца как ценность актуальна для молодежи в возрасте до 25 лет — здесь от нее не готовы отказаться 52%, то есть относительное большинство. Почти столько же (48%) согласны с тем, что такие ценности западной демократии, как индивидуализм и либерализм, России не подходят, для нее важнее чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство» [Там же. С. 167]. Грандиозный раскол.

Что же произошло с молодежью в России? Как бифуркационный взрыв 2022–2023 гг. повлиял на нее? М.К. Горшков, автор заключения в книге «Российское общество и вызовы времени», объясняет: «На протяжении многих лет в системе мировоззренческих координат россиян наблюдается коллизия: установки на цивилизационный суверенитет России, ценности общности и коллективизма, которые важны людям с точки зрения общего вектора развития страны, связаны с приоритетом личных интересов над общественными, если речь заходит о повседневной жизни обычного человека. Однако в условиях ценностной мобилизации общества весной 2022 г. произошла определенная корректировка установок — все большее число россиян отдадут себе отчет в том, что события экстраординарны, и требуют изменения отношения человека к стране и обществу. *Единственная группа, выпадающая из данного контртренда, в которой установки на приоритет личных интересов, напротив, усиливаются, — часть молодежной когорты до 25 лет*» [Там же. С. 266]. К выводу Горшкова я бы добавил оценку Седовой: «Среди молодежи до 25 лет <...> в атмосфере затягивания россиянами “ментальных поясов”, сокращения пространства субъектности под давлением внешних обстоятельств, укрепляется значимость для них ценности свободы» [Там же. С. 201].

Важное наблюдение Горшкова и Седовой. Именно эта группа — старшие школьники, студенты, рабочая молодежь и вчерашние выпускники вузов, представители малого и среднего бизнеса (18–25, 26–35 лет) — была ядром массовых, начиная с июля 2020 г., многомесячных выступлений молодежи в Хабаровске и Минске, когда демонстранты требовали смены власти... Во время шествий в Хабаровске молодые люди несли лозунги: «Это наш край!», «Мы здесь власть!», «Уходи, Москва!», в Минске демонстранты

скандировали лозунг «Уходи!», требуя отставки А. Лукашенко. *Это ли не проявление кризиса в расколотом обществе, где основным двигателем кризиса является раскол между зависимыми от государства пожилыми людьми и независимой молодежью?*

Заключение. Раскол людям не нужен, потому что порождает кризисные ситуации, подавляет свободу, диалог и блокирует развитие. Он нужен творцам раскола — авторитаризму и соборности в нашей культуре, в нашем современном сознании, менталитете, то есть (sic!) нам самим. Думаю, что у авторов книги «Российское общество и вызовы времени» не было сознательного намерения сделать этот вывод, но он вылепился, выткался как бы сам, без спросу. Это — парадоксальное и горькое открытие. И, хотели того авторы или нет, его надо принять. В расколотом, но желающем развиваться обществе кризис, я надеюсь, работает *против раскола*, против политики «псевдо» и лжи.

Литература

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология. Словарь. 2-е изд., переработанное и дополненное. Новосибирск. Сибирский хронограф. 1998. 595 с.
2. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 2. Второе изд. М. 2016. С. 64–67.
3. Гринберг Р.С. В поисках равновесия. М.: Магистр. 2019. 160 с.
4. Гринберг Р.С. Рубинштейн А.Я. Индивидуум и государство. Экономическая дилемма. М.: Весь мир. 2015. 480 с.
5. Давыдов А.П. Ахиезер А.С.: раскол в России и стратегия его преодоления. // Цивилизация: многозвучие смыслов. Методіа / отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. С. 379–387.
6. Давыдов А.П. Методологическая “середина-для” в ракурсе неклассики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и принципа комплементарности Р. Гринберга/А. Рубинштейна // Вопросы философии. № 4, 2021. С. 191–202.
7. Давыдов А.П. Общество как медиационный субъект социального развития (к методологии межсубъектного диалога) // Социс. № 9, 2022. С. 3–13.
8. Зборовский Г.Е. Социология кризиса и кризис социологии // Культура, личность, общество в современном мире: материалы XII Международной конференции. 19–20 марта 2009. Екатеринбург. 2009. Ч. 2–3. С. 4–7. // <https://studfile.net/preview/3859993/page:24/>
9. Михайлова И.Г. Идеалы и их роль в социокультурном воспроизводстве цивилизаций с позиций синергетической философии истории. СПб: Алетейя. 2015.
10. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая. Под ред. М. К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир. 2022. 284 с.
11. Федотов Г.П. Русский человек // Федотов Г.П. Новый град. Нью Йорк. 1952.

12. Черныш М.Ф. Двойные стандарты в современном обществе: pro et contra // Философские науки. № 3, 2016. С. 47–60.

13. Чесноков С.В. Коммуникативные разрывы в современном российском обществе и их преодоление // Современные коммуникативные технологии и личность: столкновение массового и индивидуального. Отв. ред. Шилова В.А., М.: СПС. 2009. С. 62–77.

References

1. Akhiezer A.S. Russia: criticism of historical experience. T. II. Theory and methodology. Dictionary. 2nd ed., revised and enlarged. Novosibirsk. Siberian chronograph. 1998. 595 p.

2. Chernysh M.F. Double standards in modern society: pro et contra // Philosophical sciences. No. 3. 2016. Pp. 47–60.

3. Chesnokov S.V. Communication gaps in modern Russian society and their overcoming // Modern communication technologies and personality: collision of the mass and the individual. Resp. ed. Shilova V.A., M.: ATP. 2009. Pp. 62–77.

4. Davydov A.P. Akhiezer A.S.: a split in Russia and a strategy for overcoming it. // Civilization: polyphony of meanings. Memoria / отв. ed., comp. A.V. Smirnov, N.A. Kasavina, S.A. Nikolsky. M.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2023, pp. 379–387.

5. Davydov A.P. Methodological “middle-for” in the perspective of V. Lektorsky's non-classics, A. Akhiezer's mediation and R. Grinberg's principle of complementarity/A. Rubinstein // Questions of Philosophy. No. 4. 2021. Pp. 191–202.

6. Davydov A.P. Society as a mediation subject of social development (to the methodology of inter-subject dialogue) // Sotsis. No. 9, 2022. Pp. 3–13.

7. Fedotov G.P. Russian people // Fedotov G. P. New city. NY. 1952.

8. Gorshkov M.K. Russian society as it is. T. 2. Second ed. M. 2016. Pp. 64–67.

9. Grinberg R.S. Rubinshtein A. Ya. The individual and the state. *Economic dilemma*. M: The whole world. 2015. 480 p.

10. Grinberg R.S. In Search of Balance. M.: Master. 2019. 160 p.

11. Mikaylova I.G. Ideals and their role in the socio-cultural reproduction of civilizations from the standpoint of the synergetic philosophy of history. St. Petersburg: Aletheia. 2015.

12. Russian society and challenges of the time. Book six. Ed. M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova. M.: Ves Mir. 2022. 284 p.

13. Zborovsky G.E. Sociology of the crisis and the crisis of sociology // Culture, personality, society in the modern world: materials of the XII International Conference. March 19–20, 2009. Yekaterinburg. 2009. Part 2–3. Pp. 4–7. // <https://studfile.net/preview/3859993/page:24/>

Russia in the spring of 2022: a split in society as the basis of the socio-cultural crisis

Davydov A.P.,
Doctor of Cultural Studies,
Chief researcher at the Institute of Sociology
of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences
apdavydov@gmail.com

Abstract: The article gives an affirmative answer to the question: is there a crisis in modern Russia that began in the spring of 2022? And a concept is put forward, according to which the basis of the crisis is the split between culture (the guardian of historically established conciliar-authoritarian values) and society (the generator of democratic ideas and personal interests not recorded in a thousand-year-old culture), in short, between values and interests. The concept set forth in the article is based on the image of the split in two-century Russian fiction (XIX–XX centuries), in science and journalism of the revolutionary period (1905–1918), in the concepts of the split of our contemporaries: Zborovsky G.E. (Ural State University), Akhiezer A.S. (1929–2008), Sedova N.N. (Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences), Chesnokov S.V. (Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences/Higher School of Economics), a team of researchers from the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, who studied under the guidance of Gorshkov M.K. and Tikhonova N.E. the social situation in the country in March 2022, that is, a month after the start of the SMO.

The main conclusion is that the socio-cultural contradiction lives permanently in the thousand-year-old Russian culture and cyclically aggravates in the form of a split in society, when the state disappears and society breaks up — the threat of just such a crisis arose in the bifurcation spring of 2022. The article pays special attention to the group of so-called "new Westerners" — young people under the age of 25 who believe that they can survive without state support and do not support the SMO. The results obtained allow us to better understand what choice we have come to today: to continue to adapt to the split, as the patient adapts to his illness, periodically falling into social crises, or to fight the split in order to prevent society from collapsing into another catastrophe.

Keywords: Russia, sociocultural crisis, sociocultural contradiction, split in society, fiction, youth, spring 2022, bifurcation, Zborovsky, Akhiezer, Sedova, Chesnokov, Gorshkov.